

Се Тинчжоу, увидев слезы Се Цзяюэ, тут же помрачнел. Он пребывал в полной растерянности, а глубокое, идущее от самой крови чувство жалости к дочери заставляло его действовать крайне осторожно — вытирая слезы с её лица, он касался её так бережно, словно она была сделана из тончайшего фарфора.

Лань Хуань, стоявший рядом, чувствовал себя не лучше. Будучи единственным ребенком в семье и эдаким домашним тираном, он рос крепким парнем и никогда не оказывался в ситуации, когда нужно было утешать плачущую девушку. Да что там, Лань Хуаню уже двадцать семь, а он до сих пор не состоял в отношениях — откуда ему знать, как вести себя так близко с девушкой?

Они с Се Тинчжоу, оба с салфетками в руках, лишь мешали друг другу, неуклюже пытаясь утереть слезы Се Цзяюэ. Хо Фэн, вышедший следом за ними, лишь беспомощно наблюдал за этой сценой, но, встретившись взглядом с заплаканными глазами Се Цзяюэ, он вдруг понял, отчего она плачет.

Хо Фэн оглянулся на роскошную виллу. Возможно, для многих девушек из бедных семей такая жизнь в богатстве — предел мечтаний. Но для той, что должна была сиять в вышине, словно луна, заточение в клетке было лишь способом превратить её в тусклый, безжизненный камень.

Уйти из этой виллы без надзора дворецких и слуг — для Се Цзяюэ это означало свободу. Впервые за два года.

Он стоял в стороне, потирая пальцы. Неизвестно почему, ему тоже очень хотелось подойти и утереть слезы Се Цзяюэ, но у него не было ни возможности, ни права. Все, что он мог — это стоять и смотреть, как эта луна наконец была бережно подхвачена чьими-то руками и вновь обрела свой свет.

— Не плачь, папа здесь. Папа теперь всегда будет рядом с тобой и мамой, никуда не уйду. А если и придется, то возьму вас с собой, хорошо? Ну, не плачь, родная.

Се Тинчжоу, склонив голову, тихо успокаивал дочь. В его янтарных глазах читались боль и самобичевание. Се Цзяюэ позволила ему вытереть слезы, а затем, вцепившись в край его одежды, едва заметно кивнула.

— М-м, не буду...

Хоть она и сказала это, слезы продолжали катиться из глаз против её воли. Сердце Се Тинчжоу сжалось еще сильнее. Он больше не мог сдерживаться: отбросив попытки аккуратно вытереть лицо дочери, он крепко прижал её к себе, позволяя ей уткнуться в его грудь и выплакать всю накопившуюся горечь.

В этот миг Се Цзяюэ наконец обняла его в ответ. Стоя у порога виллы, остальные услышали, как она зарыдала, словно сломленная. Это уже не были тихие, осторожные слезы — это был

настоящий срыв, полный такой боли, что у любого, кто это слышал, невольно наворачивались слезы.

Отцовские объятия были такими широкими и дарили такое чувство безопасности. Слушая биение сердца Се Тинчжоу, Се Цзяюэ больше не могла сдерживать свою печаль.

В этом мире есть два места, где можно по-настоящему плакать: туалет и отцовская грудь. Раньше Се Цзяюэ этого не понимала, но теперь, чувствуя себя в безопасности в объятиях отца, она осознала это в полной мере.

Все тяготы, которые она несла на своих плечах, рядом с отцом вдруг показались невыносимыми. Слезы обиды, боли и счастья смешались, пропитывая рубашку Се Тинчжоу, но каждое мокрое пятно на его груди лишь жгло его сердце.

— Все хорошо, папа здесь. Папа рядом.

Любые слова утешения казались бессмысленными. Только эта фраза — папа здесь — словно даровала Се Цзяюэ покой. Ей не нужно было больше ничего, этих слов хватило, чтобы она открыла свое сердце.

Лань Хуань, наблюдая за тем, как крестный отец бережно обнимает свою дочь, поразился. Несмотря на то, что Се Тинчжоу выглядел очень молодо, в этот момент Лань Хуань увидел в нем настоящего отца, чье сердце разрывается от боли за ребенка. Вспомнив все, через что пришлось пройти Се Цзяюэ, Лань Хуань тоже не сдержался и украдкой вытер глаза.

Виллы стояли на большом расстоянии друг от друга, поэтому даже громкие рыдания у порога не привлекли лишнего внимания. Се Цзяюэ плакала долго, пока слезы не иссякли, а затем, смутившись, отстранилась от отца.

Её глаза, такие же, как у Се Тинчжоу, фениксоподобные, теперь покраснели, как у маленького кролика. Взглянув на отца, она заметила, что у того глаза тоже покраснели — они стали еще больше похожи друг на друга.

— Папа.

На этот раз она без колебаний произнесла это слово.

— Да.

Се Тинчжоу отпустил её, глядя с бесконечной нежностью.

— Поедем к Сюй Юньханю.

Сказав это, она мгновенно взяла себя в руки. Холодная маска вернулась на её лицо, словно та, что только что рыдала, была не ею. Но Се Тинчжоу взял её за руку.

— Пойдем. Папа отвезет тебя к нему. А как наказать этого мерзавца — решать тебе.

Они сели в машину. На этот раз за руль сел Лань Хуань. Хотя он впервые вел такой Хаммер, он не чувствовал волнения, лишь поглядывал в зеркало заднего вида на своего названного брата, который, казалось, украдкой следил за отцом и сестрой.

— Поехали! Сестренка, держись крепче, я первый раз за рулем такой махины, немного нервничаю. Крестный, вы тоже держитесь! — нарочито бодро крикнул Лань Хуань, чтобы разрядить обстановку.

Сады Святого Павла находились по соседству с Цзяюй Лундин, ехать было минут десять. Сев в машину, Се Цзяюэ почувствовала неловкость, особенно заметив на одежде отца следы своих слез. Всю дорогу в салоне царила тишина.

Когда они прибыли, Се Тинчжоу вышел и прикрыл рукой крышу машины, помогая дочери выйти. Только тогда Се Цзяюэ поняла, каково это — быть для отца самым важным человеком.

— Этот подонок Сюй Юньхань внутри, — Лань Хуань не стеснялся в выражениях. Се Цзяюэ не возражала. К Сюй Юньханю у нее не осталось чувств. Когда-то она была благодарна ему за спасение матери, но со временем эта благодарность испарилась.

— Хорошо, — она посмотрела на огромное белое здание, похожее на церковь.

Се Тинчжоу, почувствовав её напряжение, предложил руку.

— Не бойся, папа рядом.

Се Цзяюэ взяла его под руку. Несмотря на сохранявшуюся дистанцию, было видно, что она начала доверять отцу.

У входа их встретили охранники в черных костюмах, почтительно склонившие головы. К ним вышла дворецкая Ся Цзяци.

— Господин, внутри врач осматривает его.

Даже от дверей было слышно болезненные стоны Сюй Юньханя. С того момента, как Се Тинчжоу и Лань Хуань ушли, прошел всего час. Сюй Юньхань был сильно избит, так что визит врача был логичен.

— Хорошо, — кивнул Се Тинчжоу и вошел внутрь.

Се Цзяюэ тоже слышала стоны. В центре гостиной стояла огромная золотая клетка. Она выглядела роскошно, но веяло от неё холодом. Внутри находилось несколько человек — они сустились вокруг кого-то, проводя осмотр.

— Это золотая клетка. Я купил её, чтобы держать тебя в ней как питомца, — заметил Се Тинчжоу, заметив взгляд дочери.

Се Цзяюэ сразу поняла его намек. Глядя на клетку и на корчащегося от боли Сюй Юньхана, она осознала, что её отец умеет отвечать на зло тем же. Она и подумать не могла, что отец, отсутствовавший девятнадцать лет, окажется настолько могущественным — и эти охранники, и эта клетка, и элитный персонал доказывали, что он гораздо влиятельнее, чем она представляла.

— Запирать людей в клетке — это незаконно, — она не удержалась и слегка ущипнула отца за руку, напоминая.

Она так долго ждала возвращения отца, чтобы наконец зажить счастливо с мамой и братом, и не хотела, чтобы он попал в тюрьму из-за такого негодяя.

— Я не запирал его. Сюй Юньхань сам вошел туда ради своих родителей. Клетка не заперта, если захочет — никто его не остановит.

Се Тинчжоу говорил серьезно, и Се Цзяюэ вдруг поняла, что он имеет в виду. Разве она сама эти два года не оставалась на вилле только ради матери и брата?

Она почувствовала облегчение. Главное, что с отцом все будет в порядке. Она повернулась к клетке.

— Что с ним? Почему он так кричит?

Сюй Юньхань, изнывая от боли, даже не подозревал, что луна, которую он так хотел сорвать с неба, стоит прямо здесь и видит его в самом жалком состоянии.

— Да побили его, — Лань Хуань был в ярости. — Крестный узнал, как он с тобой обращался, и не удержался. Кто же знал, что он такой хилый? Пара ударов — и уже воет, как будто душу вытряхивают!

Се Цзяюэ кивнула, понимая ситуацию. Она посмотрела на Се Тинчжоу с восхищением: она и представить не могла, что такой молодой отец вступится за неё с кулаками.

Ся Цзяци, стоявшая рядом, смущенно добавила:

— После того как вы ушли, мы вызвали врача. У него полно синяков и ссадин, но вот ноги... Молодой господин Лань ударил его, и там теперь жуткий отек. Врачи осмотрели и говорят, что он, кажется, остался калекой...

Поэтому-то все и сгруппировалось вокруг него, проверяя «достоинство».

Се Тинчжоу был ошеломлен, а Се Цзяоюэ так удивилась, что широко открыла глаза. Оба уставились на Лань Хуаня.

Тот выглядел так, будто его обвинили во всех смертных грехах.

— Что?! Этот подонок стал калекой от моего удара? Да он притворяется, это подстава какая-то!

<http://bllate.org/book/21589/2225073>